

A detailed steampunk illustration. In the foreground, a man in a dark suit and tie sits on a brown horse, looking towards the right. The background is a lush, hilly landscape with a large, ornate stone building on the left. In the sky, a massive, intricate mechanical flying machine, resembling a giant clockwork creature or a complex airship, hovers. It has large circular components, some glowing orange, and is supported by a complex network of pipes and metal structures. The sky is filled with white clouds and small birds. The overall style is highly detailed and imaginative.

Петр Сойфер

Исцеляющие увлечения

18+

Петр Сойфер

Исцеляющие увлечения

<https://litres.ru/74066518>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь человек. Семь тайных увлечений. Семь способов не сойти с ума.

Руководитель, банкротящий заводы, по ночам полирует шары из грязи. Коуч с миллионной аудиторией тайно скачет на деревянной лошади. Хирург, создающий идеальные лица, тратит состояние на бракованные чипсы. Семейный терапевт переселяется на кладбище к молчаливым пациентам. Банкир с репутацией железного человека каждую пятницу становится ребёнком. Архитектор цифровой эпохи коллекционирует чужие голоса с магнитной ленты. Дипломат без единого пятна на репутации намеренно падает в людных местах.

Психологическая сатира в традиции Чехова — о масках, которые мы носим, и о том, что прячется под ними.

Петр Сойфер

Исцеляющие увлечения

Доктор Пётр Сойфер

ИСЦЕЛЯЮЩИЕ УВЛЕЧЕНИЯ

Сборник новелл

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Признаюсь сразу: я пристрастен.

Всякий серьёзный коллекционер пристрастен — и всякий, кто говорит обратное, либо лжёт, либо собирает что-то не то. Беспристрастность хороша для судей и бухгалтеров. Коллекционер же, если он настоящий, любит. Он любит свои экземпляры так, как не любит, пожалуй, ничего другого в жизни — с той тихой, немного стыдной нежностью, в которой не признаются вслух, но которая не даёт спать в ночь перед аукционом.

Я собираю людей.

Не в переносном смысле — в самом прямом. Я их нахо-

жу, изучаю, описываю и храню. В картотеке, которую веду уже девятнадцать лет, каждый экземпляр занимает своё место так же точно, как марка в альбоме или бабочка на булавке. С той лишь разницей, что мои экземпляры живые — или были живыми в момент обнаружения, что для целей коллекции вполне достаточно.

Что именно я ищу?

Вот этот вопрос мне задают чаще всего — и именно на него труднее всего ответить. Попробую.

Есть такой момент в жизни человека — краткий, почти неуловимый — когда он думает, что его никто не видит. Когда публичная роль на секунду слетает с него, как плохо пригнанный пиджак, и под ней обнаруживается нечто настолько живое, настолько незащитное и настолько неожиданное, что у опытного наблюдателя перехватывает дыхание. Вот этот момент я и ловлю. Вот ради него я трачу время, деньги, терпение и — не буду скрывать — изрядное количество нервов.

Поверьте: оно того стоит.

За девятнадцать лет через мои руки прошло многое. Были экземпляры любопытные. Были редкие. Были такие, от которых я несколько ночей не мог заснуть — не от восторга, а от того странного чувства, которое испытываешь, когда случайно видишь чужое горе и понимаешь, что оно прекрасно именно своей неприкрытостью.

Но то, что вы держите в руках — это другое.

Это жемчужина. Я употребляю это слово осознанно и без колебаний, хотя по натуре своей не склонен к пафосу. Семь экземпляров, собранных в этом каталоге, — лучшее, что мне удалось найти за всё время. Не самое патологичное. Не самое смешное. Самое — как бы точнее — самое совершенное. В каждом из них человеческая психика, загнанная в угол собственной жизнью, нашла выход настолько оригинальный, настолько неожиданный и настолько по-своему элегантный, что я — человек, видевший многое, — испытывал при первом знакомстве с каждым из них нечто похожее на восхищение.

Да, восхищение. Я не оговорился.

Когда я впервые увидел его — руководителя с безупречными манерами, спускающегося в подвал к своим земляным сферам, — у меня буквально задрожали руки. Я записывал торопливо, почти неразборчиво, боясь упустить детали. Так бывает, когда понимаешь: вот оно. находка. Не каждый год такое случается — не каждые пять лет.

А их здесь семеро.

Всадник на деревянной лошади, который плачет над ней искренне — с той полной, безоглядной искренностью, которой большинство людей не позволяют себе даже на похоронах близких. Хирург, для которого бракованный чипс дороже собственной карьеры — и это не метафора, это буквально произошло на моих глазах. Терапевт, нашедший наконец пациентов, которые его слушают, не перебивают и никогда

не используют против него его же терминологию. Банкир, которому была нужна только няня — и как же мало это на самом деле, и как же много. Архитектор человеческой близости, который хранит собственный голос в папке с надписью «Прощание, замаскированное под просьбу». Дипломат, который упал — и написал в дневнике: лучшее за двадцать пять лет.

Я мог бы рассказывать об этих людях часами.

Собственно, именно это я и делаю на следующих страницах.

Одна просьба — единственная. Не торопитесь смеяться. Не потому что смеяться запрещено — смейтесь, пожалуйста, когда смешно. Но помните, что настоящий коллекционер никогда не смеётся над своими экземплярами. Он их любит. Даже самых странных. Особенно самых странных.

Я провёл с этими людьми девятнадцать лет.

Я знаю их лучше, чем они знают себя.

И я — не побоюсь этого слова — горжусь каждым из них.

Составитель каталога

Москва, ноябрь

(год не указан)

Новелла первая

ГЛАДКОСТЬ ЗЕМЛИ

«Мы устроены так, что легче переносим несправедливость, чем оскорбление».

— *Лабрюйер, «Характеры»*

I.

В пятницу, двадцать третьего октября, Иннокентий Петрович Громов закрыл Борщёвский машиностроительный завод.

Не лично. Лично он только подписал четыре документа. Помощница Валентина Сергеевна разложила их слева направо — по степени юридической необратимости. Громов подписывал не читая. Он читал эти документы три недели назад, когда они ещё поддавались правке. Теперь не поддавались ничему.

За окном шёл дождь.

— Всё? — спросил он.

— Всё, Иннокентий Петрович.

— Борщёво уведомлено?

— Уведомлено. Юридический отдел отправил документы в восемь утра.

Громов кивнул. Убрал ручку во внутренний карман. Ручка была немецкая, тяжёлая, с золотым пером — подарок к юбилею от коллектива департамента. Он пользовался ею исключительно для подписания документов о ликвидации. Это

придавало подарку определённую завершённость смысла.

— Сколько человек?

Валентина Сергеевна на секунду подняла глаза от папки.

— Восемьсот семнадцать, Иннокентий Петрович.

— Хорошо.

Это не означало, что хорошо. Это означало, что он услышал. Валентина Сергеевна проработала с ним одиннадцать лет. Она давно усвоила разницу.

Громов встал. Застегнул пиджак. Подошёл к окну. Внизу в сером октябре двигались автомобили — маленькие, одинаковые, с включёнными фарами, хотя до темноты было ещё далеко. Он смотрел на них минуту. Потом повернулся.

— Я уеду раньше обычного.

— Конечно.

— Звонки — на понедельник.

— Понимаю.

Он уже надевал пальто, когда она негромко сказала:

— Иннокентий Петрович. Из Борщёво звонил один из мастеров цеха. Просил соединить.

Громов не обернулся.

— Переключите на юридический.

— Он уже звонил в юридический. Они его переключили к нам.

Пауза была короткой. Ровно такой, чтобы Валентина Сергеевна успела понять: она не должна была этого говорить.

— Переключите на юридический, — повторил Громов.

Ни раздражения. Ни холода. Просто информация, произнесённая второй раз.

Он вышел.

В лифте стоял один. Смотрел на своё отражение в полированных дверях. Безупречный пиджак. Аккуратный узел галстука. Лицо человека, у которого всё идёт по плану. Лифт опускался плавно, без единого толчка.

На парковке ждал водитель.

— Домой, Иннокентий Петрович?

— За город.

Водитель кивнул. За шесть лет работы он усвоил: в пятницу вечером вопросов не задают.

II.

Подвал в загородном доме Громова не был похож на подвал.

Белые стены. Ровный матовый свет без теней. Никаких труб. Никакой сырости. Вдоль одной стены — стеллаж из нержавеющей стали. На нём, на бархатных подставках, стояли сферы.

Их было сто двенадцать.

Разного размера — от теннисного мяча до небольшого грейпфрута. Все одного цвета: глубокого, лакового чёрного с едва уловимым синеватым отливом в местах наибольшей полировки. Каждая стояла на своём месте. Каждая была пронумерована снизу — мелко, карандашом, чтобы не нарушать поверхность.

Сфера номер девяносто четыре была его любимой.

Он сделал её в феврале, в особенно удачный день. Земля тогда легла идеально — слой за слоем, без единой трещины. Финальная полировка заняла четыре часа. Когда он поднёс её к свету, она отразила лампу точно и без искажений — как отражает зеркало, не как отражает вода. Он тогда долго сидел и смотрел на неё. Просто сидел и смотрел.

Сейчас он переоделся. Хлопковые брюки, старый свитер без марки и без формы. Вымыл руки тщательно, до локтей — как перед операцией. Сел за низкий деревянный стол.

На столе: металлический таз с водой, четыре миски с просеянной землёй разной фракции, льняные тряпочки, сложенные в аккуратные квадраты. Земля была привезена из оврага за деревней — он ходил туда пешком каждую первую субботу месяца с небольшим брезентовым мешком. Соседи считали, что он собирает грибы.

Он взял горсть крупной земли и начал.

Сначала — формирование. Ладони плотно сжимают массу, убирая воздух. Земля сопротивляется — она всегда сопротивляется в начале. Это нормально — даже хорошо. Нужно давление — ровное, без рывков. Пальцы чувствуют каждую неровность, каждый камешек, каждую полость внутри. Камешки он выбирает сразу — аккуратно, пинцетом, если не достать пальцем. Полости — уплотняет. Форма должна быть честной изнутри. Иначе — трещина. Не сейчас, так через неделю, но трещина будет обязательно.

В Борщёво сейчас, вероятно, не спят.

Он нанёс первый тонкий слой мелкой земли. Круговые движения — по часовой стрелке, затем против. Не торопиться. Дать земле лечь. Она сама знает, когда готова принять следующий слой — нужно только почувствовать момент. Поверхность перестаёт липнуть к ладони. Становится чуть матовой. Чуть прохладной. Вот тогда — следующий слой.

Восемьсот семнадцать человек получили уведомления сегодня утром.

Второй слой лёг хуже — чуть неравномерно с левого бока. Он остановился. Поднёс сферу к свету. Да, вот здесь — едва заметное уплотнение. Если не убрать сейчас, потом придётся переделывать всё. Он взял тряпочку потоньше и начал работать с этим местом отдельно — мягко, почти без давления, только тепло ладони и круговое движение. Минута. Две. Снова к свету.

Лучше. Почти хорошо. Ещё немного.

Мастер цеха, который дозвонился напрямую, наверняка ещё сидит у телефона.

Третий слой — самый тонкий, почти пыль. Здесь уже не земля, а её память о себе. Он наносил её кончиками пальцев, едва касаясь поверхности. Сфера под руками становилась другой — плотнее, темнее, закрытее. Она переставала быть комком земли и становилась чем-то иным. Чем — он не формулировал. Некоторые вещи не требуют формулировок.

Он работал молча.

За три часа он не произнёс ни слова и не подумал ни об одном из восьмисот семнадцати. Не потому что не хотел. Просто земля не оставляла для этого места. Она требовала всего — всего внимания, всей точности, всей тишины, на которую он был способен. Это было единственное занятие в его жизни, которое забирало его целиком — без остатка, без параллельных мыслей, без фонового шума чужих судеб.

Восемьсот семнадцать человек узнали об этом утром. Громов узнал об этом тоже — в пятницу, за завтраком, из уведомления системы. Он закрыл уведомление и поехал за землёй.

Здесь был только свет, земля и сфера, которая медленно, слой за слоем, становилась собой.

В половине одиннадцатого он поставил новую сферу на бархатную подставку.

Она была не готова — ей требовалось ещё три, может четыре сеанса. Но даже сейчас, в этом незавершённом состоянии, она отражала свет ровно. Без изъянов. Без трещин.

Он выключил свет.

Поднялся в дом. Съел то, что оставила домработница. Выпил полстакана воды. Лёг в четверть двенадцатого.

Спал хорошо.

III.

Неприятности начались в среду.

Не сразу — постепенно, как начинается трещина в хо-

рошо обожжённой керамике. Сначала едва заметная линия. Потом — разлом.

Утром позвонил адвокат.

— Иннокентий Петрович, нам нужно встретиться.

— Когда?

— Сегодня. Желательно до обеда.

Громов встретился. Адвокат говорил долго, аккуратно подбирая слова — так говорят люди, которые знают плохую новость целиком, но выдают её частями, надеясь, что частями она покажется меньше. Громов слушал молча. Суть сводилась к следующему: против него готовилось дело. Не уголовное — пока. Счета будут заблокированы. Предположительно — в пятницу.

— Кто? — спросил Громов.

Адвокат назвал фамилию.

Громов кивнул. Фамилия была ему знакома — человек из его же системы, из его же коридора на четырнадцатом этаже. Человек, которому он три года назад помог с одной некрасивой историей, рассчитывая на взаимность.

Взаимность наступила.

— Что можно сделать? — спросил Громов.

— Многое, — сказал адвокат. — Но не до пятницы.

Громов вернулся в офис. Провёл три совещания. Подписал документы. Ответил на звонки — коротко, без интонаций, как всегда. Валентина Сергеевна смотрела на него с тем выражением, которое он давно научился не замечать.

Это была среда.

В четверг вечером он поехал за город.

Третий слой на сфере номер сто тринадцать лёг плохо. Земля не слушалась — движения были правильными, давление верным, фракция той самой, что нужно. Но что-то было не так. Поверхность под ладонями казалась чужой. Сопротивлялась не так, как обычно сопротивляется земля — честно, предсказуемо. Иначе. Тупо. Глухо.

Он работал час. Остановился. Поднёс сферу к свету.

Трещина.

Тонкая, едва видимая — от верхней точки вниз, по левому боку. Он провёл по ней пальцем. Трещина была внутренней, структурной. Такие не заделываются. Никогда. Такие означают, что где-то внутри — пустота, которую он не почувствовал вовремя.

Он положил сферу в металлический таз — отдельно, без бархатной подставки. Бракованные он не выбрасывал. Хранил на нижней полке. Их было семь штук. Теперь восемь.

Взял новый ком земли. Начал снова.

Руки не слушались.

За все годы руки всегда слушались. Здесь, в подвале, они знали, что делать — без участия головы, без усилия воли. Сейчас они мяли землю неровно, торопливо, с нервным давлением, которого здесь не должно было быть никогда.

Он остановился.

Положил ком на стол. Посмотрел на стеллаж. Сто двена-

дцать сфер стояли ровно — каждая на своём месте, каждая отражала свет без изъянов. Девяносто четвёртая поймала луч лампы и держала его спокойно, уверенно.

Он смотрел на них долго.

Потом выключил свет и поехал в город.

Дома его ждала жена.

Она сидела в гостиной — не на диване, а на стуле, прямо, как сидят люди, которые долго репетировали предстоящий разговор.

— Я ухожу, — сказала она. — Я забираю детей.

Громов снял пальто. Повесил на вешалку.

— Давно решила?

— Давно.

Он мог бы спросить — когда именно. Мог бы спросить — почему именно сейчас. Но он стоял в прихожей и думал о трещине на сфере номер сто тринадцать. О том, где именно он пропустил пустоту внутри. На каком слое. В какой момент.

— Ты меня слышишь? — спросила жена.

— Слышу.

— И что скажешь?

Он посмотрел на неё.

Она была права — он это знал. Права во всём, что собиралась сказать, и в том, что уже сказала, и в том, что говорила последние несколько лет. Он знал это так же точно, как знал, что трещина в восьмом бракованном экземпляре уже

не исправится.

— Твой адвокат свяжется с моим, — сказал он.

Прошёл на кухню. Налил воды. Выпил стоя, у окна.

За окном шёл дождь.

В пятницу счета заблокировали в десять утра.

Громов сидел в кабинете и смотрел на экран. Потом позвонил адвокату. Потом выслушал адвоката. Потом положил трубку.

Валентина Сергеевна заглянула в дверь.

— Иннокентий Петрович, у вас в три совещание с—

— Отмените, — сказал он.

— Все?

— Все.

Она вышла. Он встал. Надел пальто. Взял со стола только ключи от загородного дома — всё остальное оставил как есть: документы, телефон, ручку с золотым пером.

Вышел. Спустился в лифте. Сел в машину.

— За город, — сказал водителю.

— Иннокентий Петрович, сейчас пробки, лучше—

— За город.

IV.

Дверь подвала он закрыл изнутри в три часа дня.

Переоделся. Вымыл руки. Сел за стол.

Земля в первой миске была та же самая — из оврага за деревней, просеянная, правильная. Он взял горсть. Начал фор-

мировать. Руки двигались привычно — давление, круговое движение, давление. Земля собиралась в ком. Ком округлялся.

За стеной была пятница. Заблокированные счета. Адвокат, который перезванивал трижды. Жена, которая паковала вещи в городской квартире. Валентина Сергеевна, которая сидела в пустом офисе и не знала, что делать с отменёнными совещаниями.

Здесь был только ком земли в ладонях.

Первый слой лёг хорошо. Лучше, чем вчера. Земля снова слушалась — ровно, без сопротивления. Он работал методично. Слой. Пауза. Свет. Снова слой.

Телефон он оставил в машине.

Валентина Сергеевна позвонила в первый раз в половине пятого.

Телефон молчал.

Она подождала десять минут. Позвонила снова. Потом ещё раз. Потом написала сообщение — коротко, по-деловому: «Иннокентий Петрович, адвокат ждёт вашего звонка». Сообщение осталось непрочитанным.

За одиннадцать лет такого не было.

Она позвонила адвокату. Адвокат сказал, что тоже не может дозвониться — с полудня. Она позвонила водителю. Водитель сказал, что отвёз Иннокентия Петровича за город в районе двух, больше не видел.

Она нашла в записной книжке номер соседа по даче — пожилого инженера на пенсии, который присматривал за домом в межсезонье.

— Посмотрите, пожалуйста, — попросила она. — Просто посмотрите, горит ли свет.

Сосед перезвонил через десять минут.

— Свет горит. В подвале. Машина стоит. Я стучал — не открывает.

Валентина Сергеевна помолчала секунду.

— Вызовите скорую, — сказала она. — Я еду.

Врачей было двое — немолодой фельдшер и молодая женщина-врач в куртке поверх белого халата. Сосед открыл дом запасным ключом. Валентина Сергеевна осталась у машины — она не решалась войти и сама не могла объяснить почему.

Дверь подвала оказалась незапертой изнутри — только прикрытой.

Фельдшер открыл её и остановился на пороге.

Белая комната. Ровный матовый свет. Вдоль стены — стеллаж с сотней с лишним чёрных сфер на бархатных подставках. Каждая отражала свет без изъянов.

Громов сидел на полу в центре комнаты.

Не на стуле — на полу, скрестив ноги. Прямо. Спокойно. Глаза открыты — он смотрел прямо перед собой ровно и без выражения, как смотрят в точку, которой нет.

Руки лежали на коленях ладонями вверх.

Ладони медленно, едва заметно двигались друг о друга. Правая по левой. По часовой стрелке. Потом против. Ровно. Методично. Без остановки.

— Мужчина, — сказал фельдшер. — Вы меня слышите?

— Слышу, — сказал Громов.

Голос был совершенно нормальным.

— Как вы себя чувствуете?

— Хорошо.

Врач вошла следом. Присела рядом, посмотрела в глаза. Достала фонарик — зрачки реагировали. Взяла запястье — пульс ровный. Она смотрела на его руки. На круговые движения ладонью о ладонь.

— Что вы делаете? — спросила она негромко.

Громов не сразу ответил.

— Здесь неровность, — сказал он наконец. — Нужно убрать.

Она посмотрела на его ладони. Ладони были чистыми. Никакой земли, никакого инструмента. Только кожа, движущаяся по коже — методично, терпеливо, как будто у этого занятия есть цель и конец.

— Давно вы здесь сидите?

Громов подумал.

— Не знаю, — сказал он без беспокойства. — Я не закончил.

Его подняли осторожно — без грубости, почти бережно.

Он встал без сопротивления — послушно, как встают лю-

ди, которым всё равно. У двери он остановился. Обернулся на стеллаж.

Сто двенадцать сфер стояли ровно. Каждая на своём месте.

— Осторожно с ними, — сказал он. — Они хрупкие.

Никто не ответил.

Его вывели наверх. На улице он остановился и прижал к груди пустые ладони — бережно, как держат что-то, что легко разбить. Молодая врач тронула его за локоть. Он посмотрел на неё — спокойно, почти удивлённо, как смотрят на незнакомого человека в чужом городе.

— Всё хорошо, — сказал Громов. — Просто не хочу повредить.

Его усадили в машину скорой.

Валентина Сергеевна стояла у ворот. Когда машина проезжала мимо, она успела увидеть его через окно — он сидел прямо, смотрел перед собой и двигал ладонями. Ровно. Методично.

Она отвернулась.

В подвале кто-то забыл выключить свет. Сто двенадцать сфер стояли в белой пустой комнате. Отражали свет ровно, без изъянов. Смотреть на них было некому — но они всё равно были безупречны.

Вставка хроникёра — Экземпляр № 1

Об этом случае я узнал от фельдшера скорой помощи —

немолодого, усталого человека, который за двадцать два года работы видел многое и почти ничему не удивлялся. Он рассказывал коротко, по-деловому, стоя у кофейного автомата в коридоре подстанции.

— Сидел на полу. Руки тёр. Тихий, вменяемый, на контакт идёт. Но взгляд — как у человека, которого нет дома. Понимаете? Тело здесь, а он — нет.

Я попросил его описать комнату.

Он описал. Я записывал быстро, боясь упустить детали — так бывает, когда понимаешь, что держишь в руках что-то редкое.

Потом я попросил описать сферы.

Фельдшер помолчал. Допил кофе. Сказал:

— Красивые были. Честно говоря.

Больше он ничего не добавил. Но этого было достаточно.

Таких экземпляров больше не будет. Я понял это, пока записывал.

Новелла вторая

ВЕЛИКИЙ ИППОЛОГ

«Ничто так не мешает нам быть естественными, как желание казаться таковыми».

I.

Арсений Золотов проснулся в восемь утра и первым делом проверил охваты.

Вчерашняя сторис — та, где он стоял на фоне арендованного «Ламборгини» и говорил о «частоте вибрации успешного человека» — набрала четыреста двенадцать тысяч просмотров. Это было хорошо. Это было даже очень хорошо. Но комментарии под постом его насторожили.

Первые двести — восторженные. Дальше пошло другое.

«Арсен, а почему на номерном знаке наклейка?»

«Это же прокатная контора на Садовой, я там брал.»

«Арсен Голд, скажи честно — машина твоя?»

Он закрыл комментарии. Полистал дальше. Открыл статистику марафона «Оседлай свой триумф» — продажи за неделю упали на семнадцать процентов. Продюсер Слава уже написал в три часа ночи: «Звони как проснёшься. Срочно».

Арсений отложил телефон. Потянулся. Встал.

В зеркале ванной на него смотрел мужчина тридцати четырёх лет — широкие плечи, крепкая шея, уверенный подбородок. Всё это было настоящим — не арендованным. Он провёл ладонью по лицу и подмигнул своему отражению.

— Арсен Голд, — сказал он вслух. — Ты лучший.

Это было утреннее упражнение. Он делал его каждый

день — семь лет, с того момента, как придумал себе псевдоним. Иногда помогало. Иногда нет.

Сегодня — так себе.

Он вышел на кухню. Домработница оставила завтрак — яичные белки, авокадо, стакан зелёного сока. Арсений посмотрел на белки и авокадо. Потом достал из нижнего ящика пачку печенья — прятал её там уже третью неделю, за пакетом с протеином. Сел. Съел три штуки. Подумал. Съел четвертую. Запил зелёным соком, потому что так было правильнее.

Позвонил Славе.

— Наконец-то, — сказал Слава без приветствия. — Смотрел цифры?

— Смотрел.

— И?

— Временный откат. Это нормально.

— Арсен. — Слава помолчал секунду. — Это не откат. Это тренд. Люди хотят видеть живого тебя. Не машину, не пентхаус. Тебя. Настоящего.

— Я и так настоящий.

— Тогда докажи. — Слава говорил быстро, привычно, как человек, который давно придумал решение и теперь только ждёт момента его озвучить. — Я договорился с ипподромом. Прямой эфир, через две недели, воскресенье. Ты выходишь, седлаешь жеребца — живого, понимаешь, не деревянного — и едешь. Просто едешь. Пять минут. Камеры, толпа, всё се-

рьёзно.

Пауза.

— Какого жеребца? — спросил Арсений.

— Там всё организуют. Спокойный конь, профессиональный тренер, два часа — и готово. Это не сложнее, чем твой марафон.

— Слава.

— Что?

— Я не умею ездить верхом.

Арсений смотрел в окно. За окном был октябрь, мокрый асфальт и голуби у мусорного бака. Он представил жеребца. Живого. Большого. С зубами.

В детстве, в семь лет, его напугал гусь — выскочил из-за забора соседского дома, распустил крылья и с шипением бросился на него. Арсений тогда упал, разбил колено и три недели видел этого гуся во сне. С тех пор к крупным животным он относился с осторожностью. Лошадь была значительно крупнее гуся.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

— Две недели, Арсен. Думай быстро.

Слава отключился.

Арсений сидел на кухне. Потом встал, прошёл в спальню и открыл дверцу встроенного шкафа — дальнюю, за зимними куртками.

Там, в глубине, в льняном чехле, стоял Аваланж.

Аваланж был хорсом — игрушечной лошастью на деревянной палке, сделанной вручную финским мастером из шерсти альпаки. Арсений заказал его восемь месяцев назад через закрытый форум — заплатил две тысячи восемьсот евро, указал в графе доставки чужой адрес и забрал посылку лично, в семь утра, когда соседи ещё спали.

Голова была серой, почти белой — с тёмными ноздрями, вышитыми глазами и настоящей гривой из длинных шёлковых нитей. Арсений сам расчёсывал её деревянным гребнем. Раз в неделю — по средам.

Он вынул Аваланжа из чехла. Подержал в руках.

— Ничего, — сказал он тихо. — Разберёмся.

Поставил обратно. Закрыв шкаф.

Вернулся на кухню. Открыл ноутбук. Нашёл в браузере сохранённую закладку — правила судейства хоббихорсинга, международная редакция. Он знал эти правила наизусть, но иногда перечитывал — так, как перечитывают любимую книгу: не ради информации, ради ощущения.

«Аллюр оценивается по равномерности шага и высоте подъёма колена. Пассаж — замедленная, подчёркнуто высокая рысь — требует полной синхронизации движения всадника и хорса...»

Он читал внимательно, делая пометки карандашом на полях распечатки.

За окном шёл дождь.

II.

Манеж Арсений оборудовал в гараже загородного дома — убрал машину, постелил опилки, расставил барьеры из пластиковых труб. Барьеры были точно такими, какие используются на официальных соревнованиях — он проверял по фотографиям с чемпионатов.

Тренировался по вечерам. Приезжал после записи сторис. Переодевался в спортивный костюм, брал Аваланжа и работал час — иногда полтора.

Посторонних не было. Только он, опилки и негромкая классическая музыка из bluetooth-колонки — Дебюсси, иногда Равель. Он читал, что финские спортсменки тренируются именно под классику. Это казалось ему правильным.

Пассаж он отрабатывал уже третий месяц.

Пассаж — это медленная высокая рысь: колено поднимается до горизонтали, корпус чуть откинут назад, хвост движется в такт, голова его покачивается плавно и с достоинством. Арсений изучал записи с чемпионатов — там молодые финки в костюмах для верховой езды двигались по манежу с такой серьёзностью и такой внутренней сосредоточенностью, что смотреть на них было неловко, как бывает неловко подсматривать за чем-то настоящим.

Он хотел двигаться так же.

Пока не получалось. Левое колено поднималось выше правого. Это нарушало симметрию аллюра. Он смотрел на своё отражение в зеркале — большой мужчина в бриджах, с деревянной палкой между ног, с совершенно серьёзным ли-

цом. Асимметрия была отчётливой: левое колено выше правого. Левое, правое, левое, правое. Неравномерно. Он смотрел долго — только на колено, не на всё остальное.

Он останавливался. Начиная снова.

Аваланж в его руках двигался послушно — голова покачивалась в такт шагам, грива струилась. Арсений иногда разговаривал с ним во время тренировки — негромко, по-деловому, как разговаривают с партнёром.

— Спокойно. Не торопи. Держи ритм.

Непонятно, к кому именно это было обращено.

В среду вечером, после тренировки, он сел на опилки, прислонился спиной к стене и держал Аваланжа на коленях. Грива рассыпалась по его рукам — длинная, шёлковая, чуть пахнувшая чем-то деревянным и тёплым.

Слава ждал ответа про ипподром.

Арсений смотрел в потолок гаража. Думал о жеребце. Потом думал об Аваланже. Потом снова о жеребце.

Живая лошадь не будет слушаться. Живая лошадь почувствует страх — они это чувствуют, он читал. Живая лошадь может встать на дыбы, сбросить его на глазах у камер, у подписчиков, у всех.

Аваланж не сбросит.

Аваланж никогда его не сбросит.

Он достал телефон. Написал Славе: «Думаю. Дай ещё день».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.